

М. Ю. Крапивин*

Деятельность С. М. Труфанова
(бывшего иеромонаха Илиодора)
в Советской России (1918–1922 гг.)
в связи с формированием
государственной политики
в отношении православной Церкви

С момента возникновения Советской республики практическое осуществление государственной политики в отношении Русской Православной Церкви являлось сферой деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК; образована 20 декабря 1917 г., 6 февраля 1922 г. полномочия переданы Государственному политическому управлению (ГПУ) при НКВД РСФСР). В первые годы после Октябрьской революции ВЧК занималась в первую очередь ликвидацией политических врагов установившегося в октябре 1917 г. советского строя, репрессии против духовенства являлись частью этой борьбы. В 1919 г., в ходе Гражданской войны, перед органами госбезопасности встала задача формирования отдельного направления деятельности, связанного с религиозными организациями. Конечной целью многоплановых усилий, предпринимавшихся в этой сфере властными структурами, являлось полное исчезновение религии. Церковь ни в старом, ни в каком-либо измененном виде советской власти была не нужна (по крайней мере, так считалось в начале 1920-х гг.). Неслучайно любой чекистский сценарий действий в отношении церковных структур предполагал инициирование процесса внутренней эрозии, дестабилизации и развала церковного организма.

Насаждение различного рода раскольнических структур и педалирование личностных конфликтов среди духовенства, придание внутрицерковным противоречиям характера раскола посредством втягивания в конфликт широких масс верующих должно было, по мнению творцов советской церковной политики, вести к постепенному дроблению исторически сложившихся религиозных институтов на небольшие автономные объединения, теряющие с течением времени авторитет среди прихожан и рано или поздно прекращающие

* © Крапивин М. Ю., 2011

Михаил Юрьевич Крапивин, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

свое существование. Поэтому органы госбезопасности зорко следили за развитием внутриконфессиональных конфликтов, стараясь «заполучить у обеих сторон церковного движения взаимно уличающие их документы... завербовать осведомителей из их среды». Спецслужбы стремились использовать «раскол церкви и группировки внутри нее... для борьбы против всякой религии», ибо борьба «между различными течениями», в ходе которой «враги дискредитируют и топят друг друга», создавала «благоприятную почву для разложения масс верующих»¹ и последующего полного отхода их от религии. Координирующим центром церковной политики спецслужб в 1919–1922 гг. являлся секретный отдел (СО) ВЧК–ГПУ (в 1921–1922 гг. — его 7-е, затем 6-е отделения)². Действия ВЧК–ГПУ противоречили положениям декрета о свободе совести 1918 г. Декларированная документом веротерпимость на практике подменялась закрытыми инструкциями, служебными записками, устными распоряжениями ответственных чиновников ВЧК. При этом нельзя не признать, что такая церковная политика в некоторых чертах соответствовала российской традиции церковно-государственных отношений, поскольку в советское время, как и до 1917 г., внутрицерковные процессы осознавались как имеющие государственную значимость и требующие постоянного вмешательства государства.

В 1919–1920 гг. ВЧК активно устанавливала контакты с теми представителями Русской Православной Церкви, которые, по мнению сотрудников госбезопасности, подходили на роль разрушителей церковного единства. В поле зрения чекистов попадали представители духовенства, выступавшие за реформы в церковной жизни (реанимировались в радикализированном виде лозунги церковного обновления начала XX в.), клирики, убежденные в безусловной необходимости государственной поддержки для Церкви. Однако главная ставка (по крайней мере, первоначально) делалась на церковных авантюристов — на тех выходцев из духовной среды, кто был недоволен своим положением и был готов для достижения личных целей идти на соглашения с советской властью, прибегая к любым, в том числе морально нечистоплотным, средствам³. Среди первых «революционных оборотней», пополнивших ряды чекистских агентов в церковной среде, оказался известный до Октябрьской революции своими крайне правыми взглядами бывший иеромонах Илиодор (Труфанов).

Сергей Михайлович Труфанов родился в 1880 г. в казачьей станице. В 1903 г. он принял монашеский постриг с именем Илиодор. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию по 1-му разряду, затем, уже будучи штатным иеромонахом Почаевской лавры на Волыни, учился церковному красноречию у архиепископа Антония (Храповицкого). В феврале 1908 г. получил назначение в Царицын (с 1925 г. Сталинград, с 1961 г. Волгоград) Саратовской епархии в качестве настоятеля Свято-Духовского монастырского подворья и епархиального миссионера. В Царицыне Илиодор проявил себя как националист и черносотенец, его речи популистского характера имели успех. Огромное честолюбие уживалось в нем с напускным смирением, доходившим до юродства. Его проповеди, полные выпадов в адрес бюрократии, ин-

теллигенции, иноверцев, революционеров «всех политических окрасок» должны были формировать у слушателей убежденность в необходимости «неразрывной слиянности» народа с династией Романовых при посредничестве православной Церкви. В 1909–1912 гг. Илиодор сблизился с Г. Е. Распутиным, затем рассорился с ним. С течением времени иеромонах все чаще подчеркивал расхождения с церковными иерархами, обвиняя членов Святейшего Синода в потворстве Распутину. В конце 1912 г. священноначалие приняло решение удовлетворить просьбу Илиодора о снятии с него священнического сана и монашества. Вернувшегося в мирское состояние бывшего иеромонаха выслали под надзор полиции в одну из станиц Области Войска Донского, где Труфанов провозгласил себя основателем новой религии «вечной истины», ратуя за возврат к языческим идеалам и обожествлению сил природы. Труфанов много общался с местными духоборами. Он отрицал христианские таинства, иерархию, женился, не венчавшись. Начав с обличения светской и церковной администрации, он довел дело до логического завершения, объявив: «Теперь я государя и государыню не признаю». После инспирированного им неудачного покушения на Распутина в 1914 г. он при содействии М. Горького бежал за границу⁴. В Советскую Россию бывший иеромонах вернулся в начале 1918 г.⁵ с целью, по мнению некоторых исследователей, предложить (при посредничестве близких к В. И. Ленину деятелей культуры) свои услуги большевикам в качестве «русского папы», духовного пастыря всей страны, готового заменить «реакционера» — Святейшего Патриарха Тихона⁶. Для этого Труфанов стремился создать себе репутацию борца за «светлое будущее» народа, избрав местом деятельности Царицын.

В конце мая — начале июня 1918 г. разгорелся конфликт между Труфановым и насельниками царицынского Свято-Духова женского монастыря из-за помещений обители. Стороны апеллировали к единственной в то время местной власти — исполкому совета. При этом сторонники Труфанова, требуя вернуть им обитель, которую они «строили на трудовые пятаки и рубли», не скупились на резкие высказывания в отношении архиереев и других священнослужителей — «изменников правды Божией»⁷. 25 июля 1918 г. Патриарх и Священный Синод, заслушав рапорт общего благочиннического собрания Градо-Царицынского округа Саратовской епархии от 22 мая 1918 г. об опасности овладения бывшим иеромонахом Илиодором женским монастырем с целью основания в нем коммунистической общины, благословили царицынское духовенство на продолжение борьбы с Труфановым и с распространением «среди православного населения лжеучений Труфанова с привлечением к участию в этой борьбе верующих масс»⁸.

Гражданская война постепенно охватывала Поволжье, и это заставило Труфанова покинуть Царицын. Судя по его позднейшим рассказам, он, побывав на Кубани (в Майкопе), отправился на Дон к отцу, где был арестован белогвардейцами, и после непродолжительного пребывания в тюрьме в Новочеркасске (в октябре—ноябре 1918 г.?) выслан за пределы Области Войска Донского. 11 марта 1919 г. в Камышинке Труфанов дал интервью корреспонденту местной советской газеты «Набат». Он заявил о своих симпатиях

к Октябрьской революции, обосновывая это тем обстоятельством, что «после Февральской революции остались помещики, купцы, фабриканты и дворяне, еще пившие народную кровь». Высказавшись в поддержку процесса отделения Церкви от государства, Труфанов выразил желание сотрудничать с советской властью, подчеркнув, что надеется приложить свои силы на ниве народного образования⁹. Пересказ публикации от 16 марта 1919 г. (с сокращениями) под заголовком «Перекусивший Илиодор» 30 марта появился в московских «Известиях ВЦИК»¹⁰.

1 июля 1919 г. в местные подразделения ВЧК было разослано циркулярное письмо ВЧК № 1 «О работе секретного отдела ВЧК», содержавшее раздел «О духовенстве». В письме речь, в частности, шла о том, что «за истекший 3-месячный период среди православного духовенства замечаются в связи с общими политическими событиями и работой на фронте сильные расслоения, а именно: часть духовенства, и при том значительная, заняла выжидательное положение в предположении, что союзные державы и осада Колчака и Деникина вернут вместе с реставрацией духовному сословию прежние права и преимущества. Но одновременно с этим появились и группы сочувствующих большевизму и активно выступающих вместе с большевиками, по преимуществу из священников среди сельского провинциального духовенства. Последнее обстоятельство... объясняется пробуждением сознания, что после первоначальных строгих мер, применяемых к отдельным представителям духовенства чрезвычайными комиссиями, и после подавления отдельных выступлений духовенства ГубЧК наступил период затишья и спокойных отношений между белым духовенством и местной властью. Кое-какие трения и недовольства остались только у монашествующих, вынужденных покидать монастыри, заштатных священников домовых церквей, ныне закрытых, да среди заскорузлого духовенства... Ввиду близости духовенства к народу и исторической коренной связи с ним необходимо всеми мерами способствовать привлечению сочувствующих большевизму священнослужителей (священников и дьяконов) к совместной работе с советскими властями на местах, образуя по возможности губернские и уездные ячейки сочувствующих большевизму духовных лиц, но совершенно исключая монашествующих всех родов, которые должны находиться под усиленным наблюдением. Затем весьма желательно разослать местному духовенству по районам опросные листы с предложением — дать каждому опрашиваемому точное собственноручное описание предшествующей его деятельности, его отношения и взгляды на прежний строй и новый, с указанием его связей и родственных отношений с представителями духовенства, как находящегося в той же епархии, так и в других местах России. Весьма важно иметь в опросном листе описание семейного положения каждого опрашиваемого благочинного, священника и дьякона с подробным перечнем рода занятий и места нахождения каждого члена семьи, степень материальной обеспеченности как самого опрашиваемого, так и членов его семьи (какими средствами располагал до Октябрьского переворота, каким количеством земли и угодий из имевшейся в распоряжении церкви пользовался и в каких учреждениях имел вклады);

наконец, необходимо дать перечень должностей, занимаемых ныне духовенством, и обязанностей, возлагаемых на него местной епархиальной властью, обращая особое внимание на тех, кто находится на советской службе или в соприкосновении с местными советскими деятелями. Вообще... весьма важна присылка в ВЧК с мест самых точных и возможно подробных сведений о местном духовенстве, с перечислением случаев, когда в епархии нет архиереев (указать причины этого), а также с сообщением списков как наличного духовенства (перечислить имена и адреса), так и находящегося в тюрьмах, с поименованием всех казненных (указать причины этого) за революционный период»¹¹.

12 июля 1919 г. духовная дочь Труфанова Хиония Гусева на ступенях столпного храма Христа Спасителя совершила вооруженное нападение на Святейшего Патриарха Тихона. Точно неизвестно, находился ли Труфанов тогда в Москве. Нет доказательств и того, что он был вдохновителем покушения, к следствию по этому делу он не привлекался. Гусева, мать двоих красноармейцев, была признана психически невменяемой, от уголовного преследования освобождена и определена на лечение.

В 1919 г. Труфанов встречался в Кремле с М. И. Калининым для обсуждения вопроса «о важной религиозной реформе»¹². Возможно, одновременно с бывшим иеромонахом устанавливали контакты сотрудники СО ВЧК. Показательно, что в середине ноября 1919 г. Л. Б. Каменев дал согласие на приобретение Труфановым комплекта зимних вещей для него и членов его семьи (стоимостью 11834 рубля) за счет средств Московского совета¹³.

Контакты властей с Труфановым, видимо, стали следствием активного обсуждения в кругу высокопоставленных советских чиновников в ноябре—декабре 1919 г. политики в отношении православной Церкви. Как свидетельствовал в декабре 1920 г. бывший заведующий СО ВЧК М. И. Лацис¹⁴, «этот вопрос особенно остро стал не в самые первые дни после октября 1917 года, — а с начала 1919 года, когда [мы] были окружены железным кольцом империалистических войск и когда внутренние вспышки то и дело возникали одна за другой. Поведение духовенства в такой момент для нас не было безразличным, и вот на очереди был поставлен вопрос об отношении к церкви, а в особенности к духовенству. Наше программное определение отношения к религии совершенно точно и недвусмысленно определяло и наше отношение к православной церкви. И ни один здравомыслящий коммунист никогда не думал внести изменение в нашу партийную программу или сделать официальное отступление от программы, считаясь с требованием момента. Такой необходимости нет, и не было. Коммунизм и религия взаимно исключаются. По мере приобщения к коммунизму, по мере того как он внедряется в головы рабочих и крестьян, он вытесняет оттуда всю религиозную дурь. Наша задача — способствовать ускорению этого вопроса, поэтому, когда вопрос этот ставится практически, то здесь надо прямо и открыто сказать, что недостаточно одной коммунистической проповеди, а необходимо сделать все, чтобы унижить церковь в глазах народа, чтобы внести в нее разложение и тем способствовать ее падению. Эту практическую задачу не может взять на себя ни наша партия,

ни церковный отдел Наркомюста. Не может потому, что в этой работе приходится прибегнуть к методам, которые не к лицу ни нашей партии, ни Наркомюсту. Для этого у нас существует приспособленный орган ВЧК, который может проделать эту работу совершенно неофициально... Осенью 1919 года этот вопрос был поставлен в Политбюро ЦК и потом передан особой комиссии (в связи с воззванием Патриарха)¹⁵. Решено было предоставить ВЧК работать именно в таком направлении»¹⁶.

В декабре 1919 г. полемика по вопросу о церковной политике Советского государства неожиданно приобрела публичный характер, выплеснувшись на страницы «Известий ВЦИК». В ней участвовали, с одной стороны, Лацис, с другой — заведующий 8-м отделом Наркомюста¹⁷ П. А. Красиков¹⁸. Точка зрения Лациса сводилась к следующему: «И государство, и церковь состоят из одних и тех же граждан (исключая неверующих). Допустить расхождение церкви с государством — это значит допустить государство в государстве, что, конечно, не может быть терпимо никакой властью, а меньше всего Советской... Двухлетняя борьба Советской власти за свое существование наглядно показала, что для нее не все равно, что думает и что делает церковь. Последней не раз приходилось указывать должные границы. Этот недавний опыт нас учит быть предусмотрительными и поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идет на поддержку Советской власти... Естественно, что прогрессивное духовенство имеет право рассчитывать на поддержку Советского государства. И эту поддержку оно найдет, если пойдет по пути, намеченному Советской властью. За Советскую власть стоят миллионы трудящихся. Громадное большинство из них верующие. Они могут признавать только обновленную церковь, стоящую за Советскую власть»¹⁹.

Красиков резко возражал Лацису (и в его лице руководству СО ВЧК): «Если бы покойники могли двигаться, то Карл Маркс, наверное, перевернулся бы в своем гробу от такой “истины”. Да, ведь потому-то Советская власть и отделила церковь от своего государства, что пути их расходятся, ибо коммунизм расходится не только с православной, а со всякой религией. А тов[арищ] Лацис снова хочет соединить несоединимое. При этом, если верить автору, конкордат этот нужен единственно для того, чтобы православная церковь не была обречена на небытие, а получила благодаря объединению с Советской властью счастливую возможность вновь быть приемлемой для миллионов трудящихся, стоящих на советской платформе и потому не могущих признавать враждебную ей церковь... Забота рабоче-крестьянского правительства, казалось бы, должна состоять не в обновлении этого орудия всякого рабства... а в скорейшем и наиболее полном приобщении трудящихся к новому научному миропониманию... Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный в конечном счете путь как религии, так и всем ее агентам: это путь в архив истории... Все, что можно гарантировать в Советском государстве и не только православной, а любой церкви, это свободу религиозного культа, определяемую нашей Конституцией и нашими декретами, поскольку этот культ не изжит еще отсталыми элементами трудящихся. Ссо-

риться с ними из-за их предрассудков было бы нецелесообразно, но стараться заменить их другими, буржуазными, хотя бы и более тонкими и усовершенствованными, и поддерживать или создавать новую организацию религиозного затмения сознания трудящихся было бы не только нелепо со стороны пролетарской власти, но было бы актом, противоречащим самым основным задачам пролетарской диктатуры»²⁰.

Судя по всему, Лацис учел ряд аргументов Красикова. Об этом свидетельствует подписанное им 1 января 1920 г. циркулярное письмо ВЧК № 3 «О реорганизации работы секретного отдела ВЧК и обзор деятельности антисоветских партий». В нем среди прочего речь шла о том, что «часть прогрессивного духовенства, желая спасти религию, идет на реформацию и склонно приспособить религию к духу времени. Часть духовенства идет на поддержку советской власти из шкурного вопроса, а еще часть совершенно расстригается и бросает попводство к черту... Везде находятся попы, которые уже сейчас открыто идут за Советскую власть, а еще больше таких, кто охотно бы пошел, если бы не риск поплатиться своим саном и куском хлеба. Наша задача в том и заключается, чтобы временно поддержать это течение. Чинить препятствия черносотенному духовенству, даже арестовывая, когда придется, и помогая духовенству, стоящему за советскую власть... Вы должны оказать поддержку новому течению среди провинциального духовенства, разъясняя ему выгоды позиции советской поддержки. Наш крестьянин и рабочий еще верующий человек. Религии из его головы сразу не вышибешь. Так сделаем же так, чтобы эта религия на время оказала нам услугу и сделала бы темных крестьян и рабочих сторонниками советской власти... Только надо остерегаться укрепить позиции духовенства нового направления и ни в коем случае не сосредоточить внимание масс на религиозном вопросе. Наша задача сделать перелом в самом духовенстве, чтобы уничтожить вредное влияние монархических элементов на темные массы. Мы должны стать в стороне и от тех начинаний, которые сводятся к созданию какой-то новой советской церкви. Советская власть никакой церкви не создает, а напротив заинтересована ее уничтожить. Самое большое, что мы можем делать и делаем, это временная уступка народным религиозным предрассудкам»²¹.

Несмотря на секретность и внутриведомственный характер циркуляров ВЧК, об их существовании стало известно партийным и советским функционерам. На заседании 9 января 1920 г. бюро Пермского губкома, во главе которого тогда стоял Е. Ярославский, было принято следующее постановление: «Обратиться в ЦК РКП с заявлением на недопустимость беспринципной политики ВЧК» (протокол № 7, пункт 6: «Распоряжение ВЧК о поощрении "советской церкви" (секретный пункт)»)²². 9 февраля 1920 г., обращаясь к Лацису, Красиков писал: «За последнее время в 8-й отдел Наркомюста поступают неофициальные сообщения о рассылке ВЧК секретного циркуляра по вопросу о церковниках православной церкви... 8-й отдел просит информировать, действительно ли какой-либо циркуляр по церковному делу был расослан ВЧК на места, и если да, то каково е[го] точное содержание». В ответе Красикову Лацис 16 февраля 1920 г. указывал: «Секретный отдел ВЧК

на местах информирует только ЧК, что же касается церковных дел и вообще церковной политики, указаний ЧК не давалось, но в отдельности о духовенстве (попах) ЧК секретным отделом информировались, но строго в рамках нашей коммунистической программы»²³.

5 июня 1920 г. Николаевский уездный отдел внутреннего управления поставил в известность Царицынский губотдел управления о фактах паломничества местного населения в село Кислово, где Труфанов служил в качестве священника (не имея на это права). В служебной записке отмечалось: «Эксплуатируя свое талантливое красноречие... [Труфанов] мистически действует на массу вплоть до усыпления ее, чем масса по своему заскорузлomu религиозному невежеству отвечает ему глубокой удовлетворительной благодарностью и возводит его на степень чудотворца и целителя»²⁴. 9 июля 1920 г. Труфанов подал в секретно-оперативный отдел Царицынской ГубЧК заявление с изложением собственной программы деятельности: «Единственный путь примирить русскую народную массу с политической коммуной есть коммуна (община) религиозная. В политическую коммуну русский народ может вступить только через общину религиозную. Повести русский народ в религиозную общину можно только через церковную революцию. Так называемая православная русская церковь должна быть разрушена религиозною церковною революцией. Я, Илиодор, желаю отдать все свои силы, все свое разумение именно этой революции. Для выполнения этой задачи я желал бы предпринять пешком с евангелием и посохом в руках в одежде Иисуса Христа апостольское путешествие по обоим берегам Волги... Во время этих путешествий я во всех попутных городах, селах, станицах, слободах и хуторах намерен проповедовать следующее. 1. Сейчас главным жупелом в руках духовенства, этого слепого вождя слепых народных масс, является запугивание народа антихристом, который мерещится ему, духовенству, в лице чуть не каждого представителя Советской власти. Я на основании церковно-исторических данных и истинного понимания учения Иисуса Христа докажу и покажу, что настоящим и подлинным антихристом (противником учения Иисуса Христа) является всегда и теперь является именно духовенство как так называемой православной церкви, так и духовенство других христианских религий. 2. Душою всего учения Христа является устройство общиной жизни людей на принципах свободы, братства и равенства. Без общины или коммуны учение Иисуса Христа в жизни не исполнимо... Попытка апостолов устроить коммуну была погребена антихристами, преимущественно духовенством и царями. 3. Необходимо в целях устроить религиозную общину перевернуть в так называемой православной церкви все вверх дном, но делать это нужно постепенно. Сначала нужно в старые слова вкладывать новые понятия, согласные с здравым разумом, а потом уже изменить и самые понятия и даже отказываться от некоторых из них. 4. Между религиозно-православною общиною и политическою коммуною есть много сходства, но и много существенной разницы. Нужно всякую точку соприкосновения уяснить, запечатлеть в сознании верующего народа, а всякое различие стусевать, примирять с сознанием народным и так или иначе избегать разлада с народною властью, ко-

торая стремится к тому же, к чему и религиозными путями должны привести — к одному месту, к центру, к земному счастью людей и народов. 5. ...Выяснение верующим той абсолютной истины, что в загробной жизни будут блаженствовать только те, кто в земной жизни был достойным участником общинной жизни. 6. Самый колкий вопрос настоящего времени — вопрос о военной службе, я, согласно своих твердых убеждений, буду в своих проповедях разрешать согласно со всеми мероприятиями Советской власти в военном деле. Хотя я и буду настоятельно указывать на слова Христа “не убий”, “любите врагов ваших”, но в то же время я буду доказывать, что эта заповедь, как и другие заветы Христа, исполнимы только в общинной жизни, а пока люди живут отдельно, как волки по норам, они должны убивать друг друга и это зло считать справедливым возмездием за то, что они не послушали лучших людей мира и Иисуса Христа... Желаю послужить не ради материального прибытка или угождения кому бы то ни было, а ради истины и потому, что так поступить повелевает мне моя совесть. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в прошлом году желал, чтобы я занимался в Москве литературным трудом. Желание его я исполнить не мог, потому что был выбит из колеи жизни продолжительною болезнью и потому что дело, предложенное им мне, есть дело мертвое, а я ищу живого дела и за него готов отдать и жизнь свою. Илиодор»²⁵.

25 июля 1920 г. из Москвы на места было разослано циркулярное письмо ВЧК № 6 (подписанное Лацисом), в котором был раздел «О духовенстве» со ссылкой на действия Труфанова. Руководство СО ВЧК утверждало: «Православная церковь трещит по всем швам... Коммунизм исключает возможность существования религии. Они один другого исключают. Поэтому в нашу задачу отнюдь не входит способствовать укреплению хотя бы самой либеральной церкви... Но в этом процессе мы должны использовать существующие в церковной жизни и враждующие между собою элементы, чтобы они сами один другого уничтожали. В этих целях мы иногда должны поддержать то или другое течение, менее для нас вредное, оказывая е[му] даже материальную поддержку». Остановливаясь на недавнем заявлении Труфанова, СО ВЧК указывал, что его «начинания должны быть поддержаны Чр[езвычайной] ком[иссией], конечно, не в целях создания религиозных коммун, а разоблачения церкви и ее служителей»²⁶.

В конце августа 1920 г. царцынские чекисты докладывали в Москву: «Деятельность и политика по отношению к рабоче-крестьянской власти и РКП Труфанова Сергея, бывш. Илиодора, не вполне определилось. Из имеющегося материала пока можно заключить, что Труфанов пока придерживается идеи Советской власти, приплетая ее деятельность к религиозным догмам учения Христа, опираясь на апостольские проповеди. По его словам, религию он хочет перестроить на началах организации общин религиозного коммунизма и таким образом вызвать религиозную революцию, подготовив предварительно население своими словами во время своего “спасительного” путешествия, задуманного совершить Илиодором вверх и вниз по Волге и Дону. Пока Труфанов готовится к указанному путешествию»²⁷.

Неизвестно, состоялась ли «миссионерская» поездка Илиодора. В переписке Царицынской ГубЧК с СО ВЧК С. Труфанов вновь упоминается уже в начале ноября 1920 г.: «Илиодор... в настоящее время находится в Царицыне и ведет подготовительную работу к будущей своей деятельности. В данное время он занят оборудованием своего кабинета назначенного для приема посетителей, для каковой цели нам пришлось выхлопотать разную мебель и др[угие] предметы. Кроме высланного вам уже материала о нем нового пока ничего не имеем. За его деятельностью зорко следим. Ваше отношение от 2-го ноября с/г за № 31295 получили... приступаем к исполнению указанных в этом отношении мер. Наше местное городское духовенство к деятельности Илиодора относится враждебно»²⁸.

В конце ноября — начале декабря 1920 г. по инициативе наркома просвещения РСФСР Луначарского проблема создания лояльной по отношению к советской власти Церкви стала предметом обсуждения на самом высоком государственном уровне с участием председателя Совнаркома В. И. Ленина (высказанная им точка зрения неизвестна), Красикова, председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, Лациса, являвшегося заведующим СО ВЧК до сентября 1920 г., и Т. П. Самсонова²⁹, сменившего Лациса на этом посту. Луначарский указывал: «Очень значительная часть духовенства, несомненно чувствующая прочность Советской власти, хочет к ней приспособиться. Конечно, это обновленное православие с христианско-социалистической подкладкой совсем не сахар, в конечном счете оно нам, разумеется, не нужно, оно изживется, выветрится, но как резкая оппозиция черносотенному патриарху и его клевретам, как прямая борьба с официальным поповством она может сыграть свою роль, так как рассчитывает главным образом на крестьянские массы, отсталое мещанство, на более отсталую часть пролетариата, для которого такой центр духовного объединения (временный) вместо того, который они фактически все еще находят в черносотенной православной церкви, является большим сдвигом влево... Поддерживать движение советского православия мы, конечно, не можем, это ясно всякому; но оказывать ему помощь, так сказать негласную, создать... в области религиозной некоторые переходные этапы для крестьянской массы, которой вообще приходится делать уступки, может быть весьма выгодным». В конечном счете, это сделает «возможным... опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов: 1) богоустановленности Советской власти. 2) Правильности принципа отделения церкви от государства. 3) Полной согласованности коммунистического идеала с истинным христианством». Между тем, отмечал Луначарский (возможно, не осведомленный о решениях Политбюро ЦК от 26 октября 1919 г.), «у нас, по-видимому, нет никаких политических директив в этом отношении»³⁰.

Красиков сформулировал собственную точку зрения на «советскую церковь» еще в конце 1919 г. и не изменил ее впоследствии. К обновленческим тенденциям в православии он призывал относиться с осторожностью, подзревая обновленцев в желании примкнуть к любой победившей власти: «Тихона надо шельмовать в лоск, что мы и делаем, а не опрокидывать с помощью реформации. Да и никакого реформаторского движения не наблюдается.

За церковью идет кулачество и старухи. Способствовать созданию хотя бы бутафорской реформации считаю невыгодным для революции»³¹. Позиция Дзержинского была во многом близка к позиции Красикова: «Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень»³².

Лацис, обобщая опыт работы СО ВЧК «по духовенству», говорил о том, что с осени 1919 г. задачи ВЧК на «церковном фронте» заключались в следующем: «1. Не способствуя никакому созданию советской церкви, внести разложение в православной церкви путем создания конкурирующих религиозных общин. 2. Оторвать от православной церкви все честные идеалистические элементы путем благосклонного к ним отношения и реальных услуг. 3. Компрометация видных лиц церковного Собора и Синода. 4. Хирургические приемы... С тех пор ВЧК было сделано следующее... А. Скомпрометированы лично патриарх Тихон и член[ы] Синода... Б. Дан могучий толчок забитому сельскому духовенству освободиться от патриарших цепких лап. В. Вовлечено на службу в ЧК много священников, которые тем самым связали свою судьбу с Советами и порвали с церковью... было пропущено через секретный отдел ВЧК 30 епископов... Сейчас эта работа на время заброшена. Было бы желательно продолжить ее в том же духе. Но за эту работу не должен браться ни Наркомпрос и ни Наркомюст. Если этот вопрос и поднимается другими органами Советской власти, то из-за смешения церковных вопросов с вопросами о духовенстве. Этот последний вопрос требует к нему особого... отношения. Находится много попов, которые становятся искренними сторонниками Советской власти и даже коммунизма. Но эти последние тогда снимают с себя рясу и порывают с духовенством... Этим последним должно быть уделено особое внимание в смысле предоставления им занятий, чем мы ускорим этот желательный процесс... Прежний острый момент “заигрывания”... уже миновал. Церковь разваливается на глазах у всех и единственно, что мы можем делать, это ускорить этот процесс»³³.

В свою очередь Самсонов подчеркивал: «1) Тов[арищ] Лацис глубоко прав, когда говорит, что... религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК. 2) Линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии. Прделанный ВЧК опыт в этом отношении потерпел фиаско». Последнее положение Самсонов доказывал, приводя в пример деятельность Труфанова: «Церковные старые волки... могут действовать для нас лишь постольку, поскольку нужно им для того, чтобы спасти свою шкуру, душа же их видит и делает другое... Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Илиодор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашел

присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб». Самсонов подчеркнул, что СО ВЧК в своих планах «по разложению церкви» ориентируется в первую очередь на «низшее молодое белое духовенство», которое «прогрессивно, реформаторски и даже революционно настроено по отношению к перестройке церкви». Поэтому СО ВЧК «за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредотачивает все свое внимание именно на поповскую массу... только через нее мы сможем путем долгой, напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца... низшее поповство, освободившись от волчьих когтей больших церковных волков, иногда совершенно искренно работает на нас и с нами, и, кроме того, непосредственно работая в верующей массе, низшие попы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих, а это — все»³⁴.

Постепенно изменявшееся отношение к Труфанову со стороны руководства СО ВЧК во многом коррелировалось с информацией, поступавшей в столицу из Царицына в конце 1920 — начале 1921 г.: «Сознательная часть населения к Илиодору относится с недоверием, считает его карьеристом и прихвостнем. Среди несознательных масс населения он также не пользуется никаким авторитетом, даже вызывает недоверие ввиду его слишком резких проповедей против духовенства и вообще нетактичности в обращении с [мас]сами»³⁵. «В дополнение к нашим информационным сводкам... сообщаем: Илиодор задался целью совершить церковную революцию, т. е. устройство обновленной христианской народной церкви и организацию религиозных коммун. Для выполнения задуманного последние месяцы зимы он уделяет на знакомство с сущностью имеющихся в данное время религиозных коммун и чтобы подготовить почву к весеннему походу. Последнее время он поехал по известным ему религиозным общинам, расположенным по селам на берегу реки Волги. План его таков: начинает из села... затем направляется в Сам[арскую] губернию Бузулукский уезд для посещения религиозной общины «Добровольцы»; откуда намеривается посетить две общины в Тамбовской губернии. План этот подтверждается имеющимися агентурными сведениями наших осведомителей»³⁶.

Невозможность встать во главе канонической церковной иерархии подтолкнула Труфанова к формированию собственной церковной структуры. Ее составной частью (или ядром) должна была стать община-коммуна «Вечный мир», образовавшаяся в апреле 1921 г. По словам Труфанова, община его последователей, основанная на «коммунальном труде и собственности», копировала общину «первоначальной апостольской живой церкви Христа»³⁷, богослужение в общине должно быть максимально упрощено (вплоть до отрицания икон). Идея образования земледельческой коммуны была выдвинута Труфановым еще в июне 1918 г. В заявлении в Царицынский исполком указывалось, что илиодоровцы планируют организовать в Свято-Духовом монастыре сельскохозяйственную «Коммуну вечной истины» почти из 100 семей. Предполагалось, что землю коммунары будут брать в окрестностях Царицына³⁸. В 1921 г. в состав илиодоровской коммуны «Вечный мир» вошли лишь 6 крестьянских семей, переселившихся вслед за Труфановым из

Николаевского уезда. Остальную часть коммунаров составили жители Царицына — последователи бывшего иеромонаха³⁹.

В апреле 1921 г. Царицынская губкомиссия по отделению Церкви от государства (заседания которой проходили, как правило, в присутствии представителей ГубЧК) рассматривала вопрос о предоставлении илиодоровцам некоторых помещений Свято-Духова монастыря (в том числе храма) «для устройства религиозной социальной коммуны». Получив в свое распоряжение малый (зимний) Благовещенский храм, Труфанов попытался захватить и большой Свято-Духов собор, который использовался православной общиной (более 1 тыс. прихожан, живших в заполотновской части Царицына), официально получившей его в январе 1921 г.⁴⁰ Царицынская губкомиссия по отделению Церкви от государства запросила от 8-го отдела Наркомюста указания о действиях в отношении храмовых помещений и в целом об отношении к «илиодоровской религиозной политике». Со своей стороны комиссия позитивно высказалась об общине илиодоровцев как «отрепшившейся от архиерейской иерархии православной церкви и вносящей разложение среди церковной иерархии и православных религиозных общин»⁴¹. 8-й отдел Наркомюста, получив запрос из Царицына, обнаружил полную неосведомленность об «иеромонахе Илиодоре» и 14 мая 1921 г. направил запрос на имя начальника 7-го отделения СО ВЧК И. А. Шпицберга⁴². Однако Шпицбергу, находившемуся тогда под партийным судом, по-видимому, было не до Труфанова. Между тем в конце апреля — начале мая 1921 г. (не позднее 14 мая) Труфанов, демонстративно оставив жену и детей (как вскоре выяснилось, ненадолго), объявил себя «епископом царицынским и патриархом всея Южных России» и создал при себе «Российский синод» из 12 своих последователей⁴³.

24 апреля 1921 г. Труфанов, получив разрешение губкомиссии по отделению Церкви от государства⁴⁴, выступил с речью перед многотысячной толпой, собравшейся на Соборной площади Царицына. Он провозгласил «многая лета вождям социальной революции и победу Советской власти». Оратор говорил: «Орлы! Орлы! Орлы! (поклон на 3 стороны). Жуки, копающиеся в навозе, не могут судить о ваших полетах ввысь. Вы, опередившие толпу на три поколения, орлы, рейте сверху, через тучи и молнии, через широкое море, в светлое царство благословенного социализма. За вами пойдут все, останутся только одни жуки в навозе, пока тяжелая советская колесница их не раздавит, только легкокрылые мухи пропоют им вечную память и после замрут сами... Сейчас мы у пропасти, которую вырыли попы, помещики и капиталисты. Через пропасть лежат две перекладины: одна — коммунистическая, другая — христианская. Я лично слаб и по одной пойти не могу. Кто идет по одной, тот герой. По какой хочешь, по такой и иди, но оставаться здесь нельзя. Попы сзади нашептывают: «Не ходите, вот мы вам дадим крылышки, и вы полетите туда, вверх, на небо». Ложь! Не достигши царства Божия на земле, не достигните и на небе. Кто не пройдет здесь пропасть, тот не попадет и на небо. Как перейти по левой перекладине, вам расскажут коммунисты, а по правой — я... Не думайте, что я отрекся потому, что вышло

какое-то дело с Распутиным. Распутин — пустяки, ушел я от них потому, что убедился в их лживости и обмане. Мятеж мой начался против них с тех пор, как я поступил в их ряды; распутинская же история была для меня последним толчком, который вывел меня из равновесия и заставил плюнуть в глаза всем угнетателям духовным и светским и уйти от них»⁴⁵.

Проповедь Труфанова получила широкий резонанс и вызвала полемику на страницах «Правды» в мае—июне 1921 г. между Красиковым и секретарем ЦК РКП(б) Ярославским. 18 мая 1921 г. в Москве состоялся пленум ЦК РКП(б), посвященный преимущественно религиозной тематике. Выступавший на нем в качестве основного докладчика Ярославский обратил внимание собравшихся на готовность части духовенства, пойдя на соглашение с большевиками, «создать советскую церковь»⁴⁶. Секретарь ЦК, приведя в пример действия Труфанова, призывал не обольщаться фактами «порозовения» отдельных представителей православного духовенства, правильно подходить к оценке подобного рода попыток Церкви «отстоять себя как государственную организацию» и не поддерживать такого рода деятелей. При подготовке итоговых документов пленума из проекта постановления по требованию Ленина был исключен 10-й пункт, в котором говорилось: «Партия обращает внимание всех организаций РКП, что за последнее время были неоднократные попытки отдельных служителей культа создать новую организацию церкви, заключить союз церкви с Советским государством. РКП ведет самую широкую решительную борьбу с такими попытками, разоблачает их реакционный смысл, эту новую попытку приспособить паразитический организм церкви к государственной организации. Факты подобного рода необходимо не замалчивать, а широко разъяснять, вместе с тем используя их как новое доказательство силы и влияния пролетарской революции»⁴⁷. Возможно, Ленин изъял данный пункт, памятуя, что большинство «попыток создать новую организацию церкви» было инициировано самой властью⁴⁸.

25 мая 1921 г. в «Правде» была опубликована оценка Ярославским речи Труфанова, произнесенной 24 апреля. Среди прочего Ярославский писал: «Надо признать, что и среди духовенства происходит значительное приспособление к условиям Советской республики, и некоторые наблюдательные люди утверждают, да и священники сами этого не отрицают, что доходы их при новом порядке не уменьшились, а в некоторых случаях даже увеличились. Правда, священникам, в особенности сельским, приходится больше работать, чем раньше, да и в городе все отмечают, что священники подтянулись: службы стали в церквях исправны, стали привлекать хорошо организованным хорovým пением и т. д. Так, один из священников пишет...: “Народ, измученный тяготами современной жизни, духовно жаждет утешения и с готовностью внимает словам проповедника. Народ томится физической и духовной жаждой и голодом. Потребность в духовной пище сильная”. Но и священник чувствует, что духовная пища, которую они дают в храмах, мало удовлетворяет народную массу. Они пишут: “Храмы в Москве при торжественных богослужениях теперь переполнены, но это чувство пока больше скользит по внешности религиозной стороны православного русского народа”. Вот против та-

кой-то церкви подымается волна протеста даже в среде самих православных. Наиболее дальнзоркая и ближе связанная с массами, пока еще незначительная, часть духовенства отчетливо сознает, что революция вызвала изменения не временного, а устойчивого характера, что Советская власть, пожалуй, даже крепче той власти, которая до сих пор была “от бога”. Ряд священников выступил против официальной церкви и пытается создать народную церковь, не проклинающую, а благословляющую Советскую власть. Одни из них делают это, может быть, неискренне, другие, пожалуй, совершенно искренне думают, что им удастся создать новую “живую церковь”. Таким человеком, по-видимому, является и быв[ший] иеромонах Илиодор, который основал в Царицыне “живую церковь” и в этой церкви “рукоположен в сан епископа царицынского и патриарха всея Руси». Речь Илиодора, по мнению Ярославского, «отражает настроение определенной части народных низов, показывая, какой уклон принимает религиозная мысль некоторой части русского народа. Надо чрезвычайно бережно относиться к этому явлению. Наша задача, задача коммунистической партии, заключается в том, чтобы показать, что действительный путь к полному освобождению человечества, путь к организации радостного существования лежит через коммунизм. И делать это надо не крикливыми выходками против попов, не только рисованием карикатур на толстых попов, а строго научной, хорошо подготовленной организацией антирелигиозной пропаганды, которая отнюдь не выпячивала бы вопрос о религии как самый главный, которая бы связывала всю нашу антирелигиозную пропаганду с хозяйственными задачами, стоящими перед нами, с действительным улучшением жизни и быта трудящихся»⁴⁹.

Красиков полемизировал с секретарем ЦК РКП(б) на страницах «Правды», также имея в виду деятельность Труфанова: «Статья тов[арища] Ярославского... способна внести некоторую путаницу... Стремления создать новую церковь находят свое выражение пока в бунтарских выступлениях бывших иерархов, изгнанных отнюдь не по каноническим, принципиальным разногласиям из лона самодержавной церкви, а или за разные “художества”, или из-за придворных распутинских склок и интриг различных категорий и группировок. Будучи просто проходимцами, с точки зрения официальной церкви, эти господа и по существу не выдвигают и не могут выдвинуть в своей программе никакого нового религиозного содержания сколько-нибудь принципиального значения даже под прикрытием религиозных вопросов. А принципиальные разногласия этого русского Лютера с цезарепапизмом сводятся к тому, что патриархом “всея Руси”, раздающим епархии, должен быть именно он, Илиодор, а не Тихон⁵⁰... Чтобы сказать, что патриарх Илиодор есть результат религиозной мысли русского народа или его части, как выразился тов[арищ] Ярославский, для этого нет никаких оснований. Скорее это человек, желающий утилизировать и направить в свое русло некоторые результаты работы революции. Если уж характеризовать это движение объективно, то надо признать скорее, что тут сказывается необходимость для низшего духовенства освободиться от опеки дворянско-капиталистической старой церковной иерархии и создать новую иерархию, более приспособленную

к мелкобуржуазному классу, который она собирается обслуживать. То обстоятельство, что движение это до сих пор проявляется под формою бунта отдельного отлученного епископа или самопровозглашения, вроде Илиодора, которого, конечно, Тихон должен будет предать анафеме, а не в виде организованного движения священнических кругов, каких-нибудь съездов, соборов и т. д., указывает лишь на полную бессодержательность, и пустоту, и трусливость именно религиозных православных кругов и отсутствие там идейных течений, отсутствие какого-либо прогрессивного содержания в смысле социальной программы русской религиозной буржуазии и ее духовенства... Что же значит — подходить к Илиодору чрезвычайно бережно? По-моему, это значит чрезвычайно тщательно разоблачить и разъяснить трудящимся весь смысл его драматического положения, когда он, патриарх “всея Руси”, обязан признать атеиста Ленина и всех действительных коммунистов праведниками и героями, а себя, патриарха, слабым рабом своего эгоизма, однако претендующим на руководство и власть... Пусть Илиодор борется по-своему со старой церковью, но патента на равноценность для трудящихся его христианской “перекладины” ни в коем случае выдавать нельзя... Удастся ли духовенству создать живую церковь? Понятия церковь и жизнь взаимно противоречивы в настоящий исторический момент, если под церковью понимать определенную иерархическую организацию с неподвижными догматами, обрядами, правилами, волшебным культом. Все это обречено умирать более или менее медленно. Наша обязанность ускорить этот процесс. Конечно, делать это нужно, относясь “бережно” к марксизму и нашей программе»⁵¹.

У властей Царицына не было единого мнения относительно деятельности Труфанова. 4 мая 1921 г. президиум Царицынского губкома РКП(б) принял решение: «прочитать ряд лекций на религиозные темы у рабочих и красноармейцев, а в газете начать кампанию по религиозному вопросу, в которой коснуться илиодоровского учения, придерживаясь программы РКП(б)» (протокол № 39, пункт 8: «Об отношении к проповед[ям] Илиодора») ⁵². Уже 8 мая 1921 г. местная партийная газета «Борьба» выступила с разъяснениями о «илиодоровском учении» ⁵³. Как явствует из письма от 11 июня 1921 г. бывшего Пензенского архиепископа Владимира (Путяты) к уже бывшему (ко времени отправки письма) начальнику 7-го отделения СО ВЧК Шпицбергу, на собрании сторонников Путяты, прошедшем в Пензе 5 июня 1921 г., «было заслушано приветствие Илиодора... Против него выступали местные ответственные работники», высказывавшиеся настолько резко, что «И[лиодор] вынужден был прекратить выступления... Он говорил... что все зависит от того ответа центральной власти, которого он ожидает со дня на день. Если ответ будет такой, какой мы предполагали желательным при беседе с Вами перед моим отъездом, т. е., что ему может быть оказана поддержка в случае объединения и совместной деятельности с нами, как уже окрепшей и приобретшей в разных местах оседлость организации, то использовать его в качестве “начальника авангарда” не только желательно, но и необходимо» ⁵⁴.

Под «ответом центральной власти» подразумевалась с нетерпением ожидавшаяся Труфановым реакция Кремля на его письмо Ленину, поступившее

в приемную Совета народных комиссаров 16 июня 1921 г. Труфанов писал «глубокоуважаемому товарищу, брату Владимиру Ильичу»: «С тех пор как я вышел из рядов попов-мракобесов, я в течение девяти лет мечтал о церковной революции. В нынешнем году (на Пасху) церковная революция началась в Царицыне. Народ, осуществляя свои державные права, избрал и поставил меня патриархом живой Христовой церкви. Но дело пошло не так, как я предполагал, ибо оно начато не так, как должно. Революция началась без санкции центральной Советской власти. Чтоб поправить дело и двинуть его по более правильному пути, я обращаюсь к Вам и кратко поясняю следующее. Церковная революция имеет целью разрушить поповское царство, отнять у народных масс искаженное христианство и утвердить их религиозное сознание на основах истинного христианства, или религии человечности. А все эти достижения церковной революции должны привести к одному: к примирению народных масс с коммунистическим устройством жизни. Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину. Другими путями идти будет слишком болезненно... Признаете ли Вы, какое[-либо] значение за церковной революцией в деле достижения русским народом идеалов социальной революции? Если Вы интересуетесь затронутым мною вопросом, то не нужно ли будет приехать мне к Вам в Москву и лично побеседовать с Вами об этом, по моему мнению, весьма важном деле?»⁵⁵. 12 августа 1921 г. в связи с письмом Труфанова 8-й отдел Наркомюста предложил председателю Царицынского губисполкома запросить у местной ГубЧК подробную информацию о намерениях и планах Труфанова по отношению к тому, что он в письме назвал «разрушением поповского царства», и в «срочном порядке сообщить... о характере и размерах движения, поднятого в Царицынской губ[ернии] Илиодором с приложением всех имеющихся в Вашем распоряжении материалов»⁵⁶. Местные власти выполнили это предписание, направив запрос в Царицынскую ГубЧК. 14 сентября 1921 г. был получен краткий ответ, в котором сообщалось: «С самого начала появления Илиодора в Царицыне ГубЧК своевременно и подробно информировала секретный отдел ВЧК. В этой информации изложены подробно планы и намерения последнего, и дальнейшим наблюдением за деятельностью Илиодора руководит ВЧК через Царицынскую ГубЧК. Что касается размеров и характера движения, поднятого Илиодором в Царицынской губернии, то в сущности движения массового никакого нет и характер его “учения” противополопоповский, т. е. против старого духовенства за укрепление нового и новой религии, соответствующей быту жизни мелкобуржуазных слоев населения в настоящий период времени»⁵⁷.

Дальнейшая эволюция отношений советских спецслужб с Труфановым может быть в общих чертах охарактеризована на основе сводок и информационных бюллетеней Царицынской ГубЧК. «На предложение наше ехать в Москву Илиодор предъявил требование обеспечить его в дорогу всем необходимым и снабдить материалом на костюмы, и только по получению всего этого он даст свое согласие на выезд, — указывали царицынские чекисты в середине сентября 1921 г. — Такого рода требования рассматривались нами как ультиватум, основанный на самонадеянности и якобы его полезной деятельности

для Сов[етской] власти, тогда как в действительности никакой существенной пользы и помощи от его деятельности не было. Поэтому на все его требования нами отвечено отказом. Он в свою очередь отказался выехать в Москву, но через полторы-две недели раздумал»⁵⁸. 29 сентября Труфанов уехал в Москву⁵⁹, той же осенью вернулся в Царицын и вновь «пошел в народ». 4 ноября 1921 г., в праздник Казанской иконы Божией Матери, выступая перед своими последователями, Труфанов разоблачал «религиозные чудеса» (массовые случаи обновления икон), «устраиваемые из-за личных выгод попами всех степеней», доказывал целесообразность кремации, призывал верующих «стать совершенными, как совершенен Бог, для чего как на пример возможности стать таковыми указывал на коммунистов, которые, по его выражению, отвечают запросам евангелия»⁶⁰.

В сводках чекистов отмечено некоторое укрепление илиодоровского движения во 2-й половине ноября 1921 г., сообщается о случаях, когда «крестьянство целыми приходами отрекалось от старого духовенства, невзирая на проклятия и отлучения от церкви епископом, и примыкало к прогрессивному духовенству»⁶¹. «Отношение духовенства к илиодоровскому движению прежнее. Всячески стараются оклеветать перед массами, но вместе с тем соблюдают в этом осторожность, полагая, что Илиодор работает с ведением Советской власти»⁶². Вместе с тем Труфанов жаловался прибывшим в Царицын сотрудникам американской благотворительной организации «Американская администрация помощи» (АРА), что власти его не ценят и не считают другом народа⁶³. Действительно, как явствует из чекистских сводок за январь—февраль 1922 г., против Труфанова было заведено следственное дело с целью «разоблачения его истинной физиономии» — человека, лишь прикрывавшегося «маской “религиозного коммуниста” и ревнителя за Сов[етскую] власть»⁶⁴. Возможность проявить преданность по отношению к советской власти Илиодор получил в условиях массового голода 1921–1922 гг. Его община-коммуна приняла активное участие в сдаче церковных ценностей бывшего Свято-Духова монастыря в фонд помощи голодающим Поволжья⁶⁵.

В мае 1922 г. Илиодор неожиданно исчез из Царицына, предварительно продав (по свидетельству его недоброжелателей) часть имущества общины⁶⁶. Предположительно в том же году Илиодор навсегда покинул Россию, перебравшись с семьей первоначально в Прибалтику, оттуда в Германию⁶⁷, затем в США. В августе 1940 — мае 1942 г. он примыкал к «Христовой старо-беспоповской российской церкви» (Millville, New York)⁶⁸, позднее, по-видимому, стал баптистом. Нигде долго не задерживался из-за склочного характера. Умер от сердечного приступа в 1952 г. (по другим данным, в 1957 или 1958 г.), оставив жену и семерых детей. В последние годы работал, по одним сведениям, швейцаром в третьеразрядном нью-йоркском отеле, по другим — уборщиком в страховой компании в Нью-Йорке⁶⁹.

После отъезда Труфанова илиодоровские «архиереи» постепенно после принесения покаяния воссоединились с Церковью. Самораспустилась и община его последователей. 6 крестьянских семей организовали артель «Люди труда». Другая часть илиодоровцев — добротолубовцы — жили коммуной

в районе железнодорожного разъезда Конный Юго-Восточной железной дороги вплоть до марта 1929 г., когда по постановлению Сталинградского окрисполкома их община была упразднена⁷⁰. Последние упоминания о последователях Труфанова в Сталинграде содержатся в московской газете «Безбожник» от 10 сентября 1930 г.⁷¹ и в отчете сталинградского горсовета «Союза воинствующих безбожников» за период с 15 января по 20 октября 1931 г.⁷²

Поддержанное центральным аппаратом ВЧК «илиодоровское движение» стало одной из первых, неудачных для организаторов, попыток обновленческого раскола Русской Церкви. Труфанов не получил признания среди верующих, не был он также поддержан властными структурами помимо ВЧК, поскольку к началу 1920-х гг. государство не определилось вполне с направлением церковной политики. Расцвет обновленчества как «организованного движения священнических кругов» (выражение Красикова) и вследствие этого раскол и ослабление Русской Церкви стали возможны немного позднее — в результате трагических событий 1921–1924 гг.: массового голода, инициированного властями в связи с голодом изъятия церковных ценностей и масштабных репрессий против верного православию духовенства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ), выписки автора.
- ² В 1917–1922 гг. политику в отношении религиозных организаций осуществляли следующие подразделения ВЧК—ГПУ: с 20 декабря 1917 г. ее проводил отдел борьбы (по борьбе) с контрреволюцией ВЧК, с 9 декабря (фактически с 17 декабря) 1918 г. — секретно-оперативный отдел (СОО) ВЧК, с 24 февраля 1919 г. — секретный отдел (СО) ВЧК, с 3 июня (фактически с июля) 1919 г. — СОО ВЧК, с начала 1920 г. — СО ВЧК (по другим сведениям, с июня/июля 1919 г. и в течение всего 1920 г. отдел вновь именовался секретно-оперативным). В тексте циркулярного письма ВЧК № 2 от 1 октября 1919 г. содержалось упоминание о создании «при ВЧК подотдела по духовенству для борьбы с существующим антисоветским течением среди духовенства, одинаково как православного, так и других исповеданий». Возможно, что речь шла о группе по борьбе с белогвардейскими партиями (кадеты, октябристы, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и «черносотенное духовенство»), функционировавшей в 1919 г. в структуре осведомительного отделения СО ВЧК. До конца 1920 г. в отделе существовали весьма скромные аппараты уполномоченных по политическим партиям, при этом в ведении одного из них находились все левые организации, а в ведении другого — все правые. Лишь в начале 1921 г. (приказом УД ВЧК № 9 от 14 января 1921 г.) в СО были сформированы полноценные специализированные отделения. 7-е отделение СО секретно-оперативного управления ВЧК вело работу по линии православной Церкви и религиозного сектантства. 29 ноября 1921 г. 7-е отделение было переименовано (приказом УД ВЧК № 274) в 6-е, а 6-е отделение стало 7-м. В СО ВЧК—ГПУ за «работу по духовенству» последовательно отвечали следующие сотрудники: Виктор Васильевич Фортунатов (род. в 1898 г.), в мае 1920 г. — январе 1921 г. уполномоченный СО ВЧК по правым партиям и духовенству; Иван Анатольевич Шпицберг (1880–1933 гг.), с 17 мая 1919 г. эксперт 8-го отдела Народного комиссариата юстиции, в мае 1920 г. следователь по особо важным делам 8-го отдела Наркомюста, с декабря 1920 г. юрисконсульт ВЧК, параллельно с 1 января 1921 г. уполномоченный (на правах начальника)

- 7-го отделения СО ВЧК, уволен из ВЧК в конце мая 1921 г.; Фотий Львович Ильиных (род. в 1875 г.), с 25 апреля 1921 г. помощник уполномоченного 7-го отделения СО ВЧК, с 24 июня 1921 г. уполномоченный (на правах начальника) 7-го отделения СО ВЧК, 28 августа 1921 г. освобожден от должности; Анатолий Федорович Рутковский (1894–1943), с 1 сентября по 26 ноября 1921 г. уполномоченный (на правах начальника) 7-го отделения СО ВЧК, с 26 ноября 1921 по 12 июня 1922 г. начальник 6-го отделения СО ВЧК—ГПУ.
- ³ В. В. Журавлёв назвал таких политических приспособленцев «оборотнями революционных эпох» (*Журавлёв В. В.* Революция как способ реализации личного интереса: (К постановке проблемы) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 23–24).
- ⁴ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 341–363; *Гражданов Ю. Д.* Илиодоровщина и православный монархизм в России // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: Сборник научных трудов. Калинин, 1989. С. 20–29; *Степанов С. А.* Илиодор // История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 338; и др.
- ⁵ «1918 г. 10/23 апреля... Сам Илиодор возвратился из Америки. Его было во Владивостоке арестовали, а потом выпустили. Год тому назад из-за границы приехал “в запломбированном вагоне” сам Ленин. Не думает ли Илиодор (он же Сергей Труфанов) тоже о каких-нибудь экспериментах над Россией? Она, старушка, все перевидала на своем веку и уже начинает скучать. Пора бы на сцену являться и самозванцам, и пророкам, не все же пробавляться “политическими шарлатанами” и просто “жуликами”, надо чего-нибудь пикантного» (*Окунев Н. П.* Дневник москвича, 1917–1924 гг. Кн. 1. М., 1997. С. 171).
- ⁶ *Бэттс Ричард (Фома).* Пшеница и плевелы: Беспристрастно о Г. Е. Распутине. М., 1997. С. 74.
- ⁷ Государственный архив Волгоградской области (далее — ГА ВО), ф. Р–71, оп. 1, д. 144, л. 9–11, 13–14 об., 29.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 831, оп. 1, д. 6, л. 62.
- ⁹ Набат [орган Камышинского (Царицынской губернии) совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов]. 1919. 16 марта. № 30. С. 3.
- ¹⁰ Известия ВЦИК. 1919. 30 марта. № 69(621). С. 4. Рубрика «В провинции».
- ¹¹ Сборник приказов и распоряжений ВЧК—ОГПУ—НКВД Союза ССР. Т. 3. Ч. 1. М., 1935. С. 16–17.
- ¹² *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 286 (со ссылкой на: *Essad Bey.* Devant la Revolution: La vie et le regne de Nicolas II. Paris, 1935 (4). P. 374). См. также: *Серафим (Кузнецов), игум.* Православный царь-мученик / Комментар. С. Фомина. М., 1997. С. 535–539. О встрече с М. И. Калининым Труфанов упоминал в интервью, которое было опубликовано в 1934 г. в русскоязычной газете «Наша речь», выходившей в Румынии (*Гольцев Е.* «Революционер справа»: История иеромонаха Илиодора // Неделя (Москва). 1990. № 26. С. 10).
- ¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 323, оп. 2, д. 164, л. 50–54.
- ¹⁴ Мартын (Мартин, Ян) Иванович (Пиндрикович, Фридрихович) Лацис (Судрабс) (1888–1938 гг.), в мае–июне 1918 г. член ВЧК, с ноября (по другим сведениям, с мая) 1918 г. по 6 февраля 1922 г. член коллегии ВЧК, с 20 мая по июль 1918 г. заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, с 16 июля до ноября 1918 г. председатель ЧК при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком (Восточном) фронте. В октябре–ноябре 1918 г. председатель Казанской ГубЧК (по совместительству), в ноябре (по другим сведениям, в декабре) 1918 г. — феврале 1919 г. заведующий СОО ВЧК, со 2 апреля по 16 августа 1919 г. председатель Всеукраинской ЧК, с 16 августа по сентябрь 1919 г. председатель Киевской ГубЧК, с октября 1919 г. по сентябрь 1920 г. заведующий СО—СОО ВЧК.

- ¹⁵ Речь идет о заседании Политбюро от 26 октября 1919 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 9, л. 96–97; оп. 163, д. 14, л. 3) и о заседании СНК от 28 октября 1919 г. (Там же, ф. 19, оп. 1, д. 233, л. 20, 63–66).
- ¹⁶ «Необходимо делать все, чтобы унижить церковь в глазах народа»: Докладная записка М. И. Лациса. 1920 г. / Публ., вступ. статья и коммент. М. Ю. Крапивина // Исторический архив. 2011. № 2. С. 91–102.
- ¹⁷ 8-й («ликвидационный») отдел Наркомата юстиции во главе с П. А. Красиковым был создан 8 мая 1918 г. Новая структура должна была ликвидировать административно-управленческие иерархические церковные структуры, сросшиеся с государством, изъять из их ведения «не свойственные им» функции, «расчистить общество от феодально-буржуазных ограничений свободы совести», каждодневно бороться с нарушениями законодательства о культах с обеих сторон, организуя и контролируя работу местных и других органов по осуществлению положений декрета о свободе совести и установлению государственно-церковных отношений на новой правовой базе. Среди прочих своих функций 8-й отдел обязан был помогать соответствующим ведомствам в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений».
- ¹⁸ П. А. Красилов (1870–1939 гг.), с 1908 г. работал помощником присяжного поверенного в Петербурге (вел дела об увечьях), с 1917 г. председатель следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, член коллегии НКЮ, с марта 1918 г. заместитель наркома юстиции и председатель кассационного трибунала при ВЦИК, с мая 1918 г. заведующий 8-м отделом Наркомюста, в 1919–1924 гг. редактор журнала «Революция и церковь», с 1924 г. прокурор Верховного суда СССР, в 1933–1938 гг. заместитель председателя Верховного суда СССР.
- ¹⁹ *Лацис [М. И.] Церковь и государство // Известия ВЦИК. 1919. 2 декабря (№ 270). С. 1.*
- ²⁰ *Красиков [П. А.] Кому этого выгодно // Там же. 14 декабря (№ 281). С. 1.* Показательно, что в середине декабря 1919 г. в ходе встречи с представителем православных общин Сергиева Посада профессором И. В. Поповым ответственные работники 8-го отдела Наркомюста П. А. Красилов и И. А. Шпицберг убеждали собеседника в том, что «через 5 лет религия будет совсем истреблена и выдвлена из народной души». На вопрос о возможности сохранения Церкви в условиях советской действительности руководители 8-го отдела Наркомюста конкретного ответа не дали (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 25, л. 107 об.).
- ²¹ Сборник приказов и распоряжений ВЧК–ОГПУ–НКВД Союза ССР. Т. 3. Ч. 1. С. 86–87.
- ²² Пермский государственный архив новейшей истории (далее — ПермГАНИ), ф. 557, оп. 1, д. 30, л. 6.
- ²³ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 694, л. 221, 223.
- ²⁴ ГА ВО, ф. Р–122, оп. 1, д. 543, л. 1 об.
- ²⁵ Сборник приказов и распоряжений ВЧК–ОГПУ–НКВД Союза ССР. Т. 3. Ч. 1. С. 157–158.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ «Двухнедельная информационная сводка № 16 Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1-го по 15-е августа 1920 г.» (ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 4, д. 241, л. 4г).
- ²⁸ «Двухнедельная информационная сводка № 22 Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1-го по 15-е ноября 1920 г.» (Там же, л. 51б — 51в).
- ²⁹ Тимофей Петрович Самсонов (Бабий) (1888–1955 гг.), с 6 сентября 1920 г. по январь 1921 г. заведующий СОО ВЧК, с января 1921 г. по 6 февраля 1922 г. заведующий СО ВЧК, с 6 февраля 1922 г. по 25 мая 1923 г. заведующий СО ГПУ.
- ³⁰ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 16341, л. 1–1 об.; ф. 5, оп. 1, д. 120, л. 12 об. — 13.
- ³¹ Там же, д. 16345, л. 2.
- ³² Там же, ф. 76, оп. 3, д. 196, л. 3–3 об.

- ³³ «Необходимо делать все, чтобы унизить церковь в глазах народа»... С. 91–102.
- ³⁴ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 196, л. 4–4 об.
- ³⁵ «Двухнедельная информационная сводка № 1 Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1-го по 15-е января 1921 г.» (ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 390, л. 115–115 об.).
- ³⁶ «Двухнедельная информационная сводка № 2 Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 16-го по 31-е января 1921 г.» (Там же, л. 111).
- ³⁷ Труфанова следует признать творцом термина «живая церковь»: впервые он использовал это определение в проповедях в 1921 г. В 1922 г. это словосочетание стало официальным именованием одного из основных течений в обновленчестве (не связанного с Труфановым) и употреблялось для названия обновленчества в целом.
- ³⁸ ГА ВО, ф. Р–71, оп. 1, д. 144, л. 14 об.
- ³⁹ *Редькина О. Ю.* Илиодор в Советской России: 1918–1922 гг. // Стрежень: Научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 2000. С. 167.
- ⁴⁰ ГА ВО, ф. Р–122, оп. 1, д. 544, л. 28–28 об., 42–42 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 5, д. 237, л. 66–66 об.
- ⁴¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 5, д. 237, л. 64.
- ⁴² Там же, л. 67.
- ⁴³ Там же, оп. 4, д. 399, л. 21 об., 24, 32 об.— 33.
- ⁴⁴ ГА ВО, ф. Р–122, оп. 1, д. 544, л. 37–37 об.
- ⁴⁵ *Ярославский Е.* Царицынская живая церковь // Правда. 1921. 25 мая. № 112. С. 1; Запись с сокращениями (ГА РФ, ф. А–353, оп. 4, д. 399, л. 21–22 об.).
- ⁴⁶ Вестник агитации и пропаганды (Москва). 1921. № 19. 15 сентября. С. 26–28.
- ⁴⁷ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 54. С. 440, 721; РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 18762, л. 1; д. 18763, л. 1–2 об.
- ⁴⁸ *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М., 2004. С. 36.
- ⁴⁹ *Ярославский Е.* Царицынская живая церковь. С. 1; см. также: Саратовские известия. 1921. 31 мая.
- ⁵⁰ 25 июня 1921 г. «Саратовские известия» поместили заметку некоего Ф., в которой конфликт Труфанова с Патриархом Тихоном объяснялся меркантильными (денежными) соображениями.
- ⁵¹ *Красиков П.* Жизненность или живучесть: (По поводу статьи в № 112 «Правды» о «живой церкви» // Правда. 1921. 16 июня. № 130. С. 1.
- ⁵² Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО), ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 122–122 об.
- ⁵³ *Павин Д.* По поводу проповедей Илиодора // Борьба (Царицын). 1921. 8 мая.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ РФ, выписки автора.
- ⁵⁵ ГА ВО, ф. Р–37, оп. 2, д. 10, л. 54. Опубликовано с неправильной датировкой и неточными архивными шифрами в: Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 115–119.
- ⁵⁶ ГА РФ, ф. А–353, оп. 5, д. 237, л. 63.
- ⁵⁷ ГА ВО, ф. Р–37, оп. 2, д. 10, л. 50, 51, 53.
- ⁵⁸ «Информационный бюллетень № 17. О положении в губернии и деятельности Царицынской губернской чрезвычайной комиссии за период с 1 по 15 сентября 1921 года» (ГА ВО, ф. Р–37, оп. 2, д. 9, л. 11 об.).
- ⁵⁹ «Сводка № 18. В Секретный отдел ВЧК. Двухнедельная информационная сводка Царицынской губернской Чрезвычайной Комиссии о положении и своей деятельности за время с 15 по 30 сентября 1921 г.» (Там же, л. 15).
- ⁶⁰ «Сводка № 20. Полномочному представителю ВЧК ПриВО [Приволжский военный округ] тов. Иванову. Двухнедельная информационная сводка Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1 по 16 ноября 1921 г.» (Там же, д. 12, л. 106).

- ⁶¹ «Сводка № 20. В Секретный отдел ВЧК. Двухнедельная информационная сводка Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 15 по [30] ноября 1921 г.» (ГА ВО, ф. 37, оп. 2, д. 12, л. 94).
- ⁶² «Сводка № 21. Полномочному представителю ВЧК ПриВО тов. Иванову. Двухнедельная информационная сводка Царицынской губернской чрезвычайной комиссии с 16 ноября по 1 декабря 1921 г.» (Там же, л. 108).
- ⁶³ «На второй день Рождества им был устроен “Святой вечер”, на который были приглашены американцы (“АРА”). Во время богослужения Илиодор объявил молящимся, что американцы являются благодетелями русского народа в смысле помощи голодающим, между прочим сказал, что американский народ стоит гораздо выше русского и добродетельнее, причем высказал сомнение в том, что русские едва ли помогут бы американцам, если бы их постигло несчастье — голод. В речи Илиодора похвалам по адресу американцев не было конца. В разговоре с ними он жаловался им, что власть эта ему и не мешает, но не содействует и не считает его другом народа» («Бюллетень № 1. Полномочному представителю ВЧК ПриВО. Двухнедельный информационный бюллетень Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1 по 15 января 1922 г.» — Там же, оп. 1, д. 18, л. 24).
- ⁶⁴ «Бюллетень № 2. Полномочному представителю ВЧК ПриВО. Двухнедельный информационный бюллетень Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 15 по 31 января 1922 г.» (Там же, л. 45–45 об.); «Бюллетень № 3. Полномочному представителю ВЧК ПриВО. Двухнедельный информационный бюллетень Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в губернии за время с 1 по 15 февраля 1922 г.» (Там же, л. 65).
- ⁶⁵ Борьба. 1922. 18 февраля, 16 марта.
- ⁶⁶ Изъятие и духовенство // Там же. 10 мая.
- ⁶⁷ Жив курилка // Там же. 1923. 21 февраля.
- ⁶⁸ Переписка Илиодора (Труфанова С. М.) с «Андреем Карповичем», 1940–1942 гг. (Рукописный отдел Государственного музея истории религии, ф. 2, оп. 4, д. 96, л. 1–7).
- ⁶⁹ Политическая история России в партиях и лицах. С. 363; *Бэттс Ричард (Фома)*. Указ. соч. С. 74.
- ⁷⁰ Наследие Илиодора // Борьба. 1922. 30 сентября. № 892; Илиодоровщина // Там же. 1928. 30 сентября. № 228(3320); Оставим богов без жилплощади // Там же. 1929. 24 марта. № 3362.
- ⁷¹ Безбожник (Москва). 1930. 10 сентября.
- ⁷² Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сборник документов. Волгоград, 1998. С. 218, 220.